

О КОРОЛЕНКО Г. И. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

КОРОЛЕНКО Георгий Илларионович, родился в 1912. Работал в семейном поместье. В 1920-х — объявлен кулаком, в связи с этим не приняты были документы на поступление в ВУЗ. 22 января во время гулянья с друзьями был задержан милицией и обвинен в хулиганстве. 27 апреля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки с конфискацией всего имущества, земля и дом отобраны у семьи.

В сентябре 1927 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью Софья Владимировна Короленко, дочь, помощник и секретарь писателя Владимира Галактионовича Короленко.

<4 мая 1927>

«Дорогая Екатерина Павловна, я не решаюсь пока беспокоить Вас просьбой хлопотать за моих двоюродных братьев. Думаю, что лучше раньше узнать о положении дела. Тогда напишу. Очень благодарю Вас.

Уважающая Вас С. Короленко.

Будьте добры, Екатерина Павловна, если Ю. Ю. Левесталь будет в Москве, похлопочите за него, он очень больной человек, и еще прошу очень, напишите П. С. Ивановской, что известно по делу И. В. Способного, о котором она спрашивала. С. Короленко»¹.

В мае Софье Владимировне Короленко обратился с письмом адвокат Романович, защитник на суде Георгия Короленко.

«6 мая 1930 г<ода>

Многоуважаемая Софья Владимировна

Я получил Вашу телеграмму от 5V с<его> г<ода>, вчера телеграфировал Вам ответ, а сейчас по изготовлении кассационных жалоб спешу подробно описать все события.

Вечером 27 апреля 1930 года в городе Геленджике, в межсоюзном клубе состоялся показательный суд над Георгием Короленко и его товарищем Павлом Петренко. Так как дело было "ясное", а обвинитель не участвовал, то мне на всю защитительную речь было дано 10 минут, которые, кажется, даже не пришлось использовать, так как не о чем было говорить. Свидетели со стороны обвинения были сотрудники милиции, которые — надо отдать справедливость — давали довольно беспристрастные показания, но очень неприятные. Так, они показали, что компания при задержании ругала милицию и даже тех, кому они служат, матерщиной, однако, ни один из свидетелей обвинения не смог указать, кто именно ругался, либо, что ругался Георгий Короленко. Понятно, что после этого приговор суда, назначивший Короленко ссылку на 5 лет, с применением бесплатных принудительных работ, поражением прав и конфискацией всего имущества, поразил всех своей суровостью. На этот приговор я составил прилагаемую при сем в копии кассационную жалобу, которую 8 мая отвезу на подпись в Новороссийск Георгию Илларионовичу Короленко и затем передам в Окружной Суд.

Должен сообщить, что Нарсуд отказал мне в вызове весьма ценных свидетелей и поэтому я ничем не мог установить на суде безупречное прошлое Г. Короленко. На этот отказ имеются ссылка в кассационной жалобе.

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 440. С. 115. Автограф.

Если жалоба будет составлена без последствий, то можно будет попробовать подать жалобу прокурору Республики или председателю Верховного Суда в городе Москве с просьбой о пересмотре дела. Думаю, что это Вы можете проделать сами, от своего имени, на правах родственницы осужденного. Лично мне, как защитнику осужденного, это сделать неудобно, в виду того, что Ваш брат — кулак. А в связи с установкой на ликвидацию кулачества, как класса, моя защита "кулака" может рассматриваться, как нелояльный по отношению к власти выпад, с самыми неприятными последствиями для меня.

Добавляю, что Ваша телеграмма на имя председателя Черноморского окружного суда (последняя) повлекла затем неприятные последствия для дела. Поэтому рекомендую вообще не телеграфировать ни о чем кому бы то ни было из судебных следственных или прокурорских властей Черноморского округа. В результате Вашей последней телеграммы Суд, между прочим, вынес дополнительное определение о взыскании с Георгия Короленко 30 рублей и Павла Петренко 25 рублей в пользу коллектива защитников за казенную защиту, которые — разумеется — получать не придется в виду конфискации имущества.

С товарищеским приветом Романович.

Приложение: копия касс<ационной> жалобы»².

После получения письма защитника Софья Владимировна Короленко обратилась за помощью Е. П. Пешковой.

<10 мая 1930>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Пишу Вам по личному и очень тяжелому делу моего брата. Вы, вероятно, помните, что я рассказывала Вам о моем двоюродном брате Георгии Короленко, который был неожиданно арестован. Я не знала тогда, в чем заключается дело. Потом оказалось, что предстоит суд, и я очень надеялась, что на суде выяснится его невиновность, что ему позволено будет вызвать свидетелей и т<ак> д<алее>. Теперь суд состоялся, и ему назначено 5 лет принудительных работ с высылкой в отдаленные губернии и конфискацией имущества. Защитник подает кассационную жалобу. Я не знаю, куда будет подана жалоба в Ростов-на-Дону или в Москву: суд состоялся в Геленджике. Теперь, вероятно, нужно ждать решения суда по вопросу кассации и тогда уже хлопотать о смягчении участия, если кассация будет отвергнута. Будьте добры, Екатерина Павловна, скажите Евгении Викторовне Болсуновой, близкой знакомой нашей семьи, что Вы думаете тут можно сделать и не можете ли Вы помочь нам. Я знаю, что это не по Вашей линии, но, может быть, все-таки Вы что-нибудь придумаете. Будем все Вам очень благодарны <...>.

Я знаю, что Вы очень перегружены работой и отвечать Вам трудно, Вера Викторовна передаст мне Ваш ответ.

У нас невесело, много бед вокруг и в нашей семье. Недавно сильно хворала Прасковья Семеновна, теперь ей лучше.

Всего лучшего.

Уважающая Вас С. Короленко.

10/V – 1930»³.

20 мая 1930 — Софья Владимировна Короленко подробно описала Е. П. Пешковой подробности предыстории событий.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 440. С. 115. Машинопись.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. С. 197-198. Автограф.

<20 мая 1930>

«Милая Екатерина Павловна, я очень, очень благодарна Вам за желание помочь нашему бедному мальчику. Семья дяди сейчас в самом тяжелом положении, совершенно разорена, земля и дом отобраны, все члены семьи уехали из Геленджика, а если бы не уехали добровольно, то, вероятно, были бы высланы. Мальчик совсем один, на суде молчал, не сказал ни слова в свою защиту, когда ему было предоставлено слово.

Я помню его еще ребенком, мой отец прозвал его в шутку "Карлом Ивановичем", такой он был всегда тихий и спокойный. От родных, которые видели его теперь юношей (ему 18 лет) я слышала, что он такой же и теперь, тихий, спокойный и работающий, а в последнее время много занимался, мечтая поступить в ВУЗ. Поэтому обвинение в хулиганстве, да еще и квалифицированном (совершенно 22 января), совсем не вяжется с представлением о нем. И для того, чтобы понять это, нужно знать кое-что из истории их семьи за последнее время.

Семья Ил<лариона> Гал<актионовича> Короленко вскоре после рождения детей поселилась на своем участке "Джанхат" близ Геленджика (18 верст). И. Г. Короленко умер в 1915 году, оставив опекуном своих детей В. Г. Короленко. После революции, в результате долгих и настоятельных хлопот моего отца за семьей Ил<лариона> Гал<актионовича> Короленко было признано право на трудовой надел, который и был им нарезан по закону, через Наркомзем. Возникавшие на основании протестов местных жителей недоразумения каждый раз улаживались, и семья И. Г. Короленко до осени 1929 г<ода> жила и работала на своем участке. Жена И. Г. Короленко, Нина Григорьевна Короленко, вышла вторично замуж за А. Жигалкина, по происхождению крестьянина, по взглядам толстовца. Он помогал ей в работе на земле, когда дети были малы (они остались сиротами после смерти дяди 3-х и 5-х лет), а когда они подросли, то помогали ему в его работе. Он специалист-садовник и запущенный временно участок земли, благодаря его работе, стал давать прекрасный урожай. Осенью 1929 г около их хутора организовался коллектив, а семья Короленко была занесена в кулаки. С этим вместе дети были лишены права учиться: Георгий Короленко подавал заявление в Новороссийский ВУЗ, но не был допущен к экзаменам на этом основании.

Здесь, в этом имущественном их положении и кроется причина, повлекшая целый ряд обвинений, многие из которых совершенно абсурдны, так как Геленджикский РИК боялся, очевидно, что может быть зачисление семьи Короленко в кулаки окажется не совсем легким, то был возбужден против них суд, на котором был выдвинут ряд обвинений:

1) Что это бывшие крупные помещики. М. Г. Короленко владел 100 десятинами большей частью неудобной земли, полученной как потерянный участок, на правах застройки, на которых обработал 2½ десятины и построил дом. Это обстоятельство было известно тогда, когда им была выделена земля на основании трудового права.

2) Что они помогали белым. Абсурдность этого обвинения также была совершенно очевидна. Илларион Галактионович Короленко в молодости с моим отцом ряд лет провел в ссылке и затем остальную часть жизни был близок с революц<ионными> кругами. Еще в 1905 г<ода> он сидел в тюрьме, обвиняясь по делу Новороссийской республики. Сведения о нем можно найти в словаре "Деятели революционного движения в России". Н. Г. Короленко также была всегда близка к революционным кругам. Я думаю, что это вероятно не отказался бы засвидетельствовать Хинчук, который ее знал в молодости. Защищаясь против возведенных на нее обвинений Н. Г. Короленко, между прочим, нашла свидетелей,

боровшихся на стороны красных, которые не отказывались удостоверить, что она помогала им, чем могла, во время гражданской войны. Я представляла эти бумаги во ВЦИК, куда подавала протест против того, что их зачислили в кулаки.

3) Им приписали 600 р<ублей> в год нетрудового дохода: сдачу дома, продажу овощей с огорода и пр<очее>. Между тем, они свидетельскими показаниями устанавливали, что на их участке не применялся посторонний труд выше указанной в законе нормы (я эти бумаги также подавала в ВЦИК, и они были отосланы на место для приобщения к делу).

4) Что Н. Г. Короленко эксплуатировала имя писателя Короленко. Конечно, это обвинение совершенно неправильно. Мой отец очень горячо интересовался судьбой детей, все время хлопотал о их судьбе, пока был жив, заботился о них до последних дней своей жизни. И если Н. Г. Короленко в своих хлопотах ссылалась на это, то она поступала совершенно правильно, что мы можем вполне удостоверить.

5) Спаивание народа. Имея на своем участке десятину виноградника и винный погреб, они производили вино, сдававшееся в кооперативные учреждения, членами которых они состояли и которые до сих пор им должны деньги. Может быть, продажа и была частным лицам, но, вероятно, также на основании общих правил.

Вероятно, считая все эти обвинения недостаточными, Геленджикский РИК вспомнил, что в 1918 г<оду>, во время гражданской войны, в "Джанхоте" было неизвестно кем произведено убийство, когда дети были еще крошками, и постановил произвести расследование об этом деле на предмет привлечения к суду.

Вот эти обвинения, вероятно, теперь вновь в той или иной форме возбуждались против Георгий Короленко, причем на нем сосредоточилось, конечно, все раздражение, которое по какому-нибудь поводу могло быть против семьи, и теперь расцвело на благоприятной почве сведения соседских счетов.

Хулиганская выходка юношей представлена как контрреволюционная выходка кулаков, между тем, "кулаками" там был только Георгий Короленко, который по справедливости не должен им числиться и который, конечно, был виноват гораздо меньше тех, которые не привлечены вовсе к делу, а вызваны только как свидетели, так как принадлежат к беднякам.

Мне кажется, что важнее всего было бы восстановить семью Короленко в правах и тогда отпало бы и обвинение и мальчик смог бы учиться, на что он по справедливости имеет право.

Простите, Екатерина Павловна, что написала так много и длинно, это дело нас очень волнует, и я спешу написать, чтобы послать еще ночью спешным.

Будем Вам очень благодарна, если Вы сделаете что-нибудь для мальчика и его семьи.

Уважающая Вас
С. Короленко.

20/V 1930 г<ода>.

Р. С. Прилагаю копии кассационной жалобы и письма защитника, который очень боится связывать свое имя с "кулаком"»⁴.

Получив от защитника известие об окончательном приговоре Георгию Короленко, Софья Владимировна обратилась с благодарностью к Е. П. Пешковой.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 483. С. 97-99. Машинопись, подпись — автограф.

<28 мая 1930>

«Дорогая Екатерина Павловна.

Я получила от защитника Георгия Короленко письмо, где он сообщает, что окончательный приговор ему был год принудительных работ, а зачет заключения (3 дня за день) покрыл весь этот срок, в мае он должен быть свободен. У нас всех гора с плеч свалилась; теперь думаем только, чтобы он смог учиться, но надо надеяться, что для дядиной семьи все испытания в прошлом, и их восстановят в правах.

Шлю Вам привет и благодарность от себя и всей нашей семьи.

Уважающая Вас

С. Короленко.

28/V 1930 г<ода>»⁵.

В июле 1930 — Софья Владимировна обратилась за помощью к М. Л. Винаверу, заместителю Е. П. Пешковой.

<6 июля 1930>

«Многоуважаемый Михаил Львович.

Обращаюсь к Вам с очень большой просьбой. Очень скоро мне надо быть в Москве, чтобы позаботиться о брате, судьба которого меня очень тревожит, а осенью надо работать для толстовского издания и выходящих сейчас в издании Академия сочинений отца, а между тем мне совершенно негде остановиться. Временную комнату найти сейчас невероятно трудно, а затруднять моих друзей мне не хотелось бы, так как мои постоянные посещения тюрьмы никому не приятны. Мне пришло в голову, что было бы только справедливо, если бы ОГПУ разрешило мне временно поселиться в комнате моего арестованного брата. Она сейчас запечатана, и там хранятся его вещи. Я знаю, что если бы было нужно, он охотно даст разрешение жить мне в его комнате, а также доверенность на хранение его вещей.

Очень Вас прошу, Михаил Львович, если вы находите это удобным, подайте мое заявление и поддержите эту мою просьбу. Я глубоко убеждена в невинности моего брата, надеюсь, что ему удастся оправдаться, и он вернется тогда в свою комнату, а до тех пор возможность остановиться там, выведет меня из очень большого затруднения.

Буду Вам очень благодарна.

Уважающая Вас

С. Короленко.

6/VII 1930 г<ода>»⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. С. 202. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 523. С. 205. Машинопись, подпись — автограф.